

недожитой, недопетой, недолюбленной. Совершая подвиг в таком возрасте, да и в любом другом, человек вкладывает в него свое будущее. И смерть становится последней, ярчайшей вспышкой, освещающей и собственную жизнь, и жизнь поколения, ровесником которого он был.

Они навсегда остались в памяти родных и близких, земляков – всех, кто их знал лично. Их образы, имена обрели иной смысл и содержание: мы, живые, должны ощущать кровное родство с их осиротевшими родителями, детьми, вдовами.

«О мертвых – или ничего, или только хорошее». Давайте не согласимся хотя бы ради справедливости. Они совершали ошибки. Не все заслоняли собой от душманской пули командиров или вызывали огонь на себя. Гибли и по неопытности, безрассудству. Но хочется верить: если существует в загробной жизни рай – они обязательно там, прощенные и обласканные, возвеличенные и по-прежнему трогательно скромные, вечно юные.

В Афганистане воины из ограниченного контингента с первых же дней знакомились со многими своеобразными обстоятельствами, познавали окружающую действительность. Будучи в северных провинциях, они убедились, что Мазари-Шариф действительно важнейший экономический центр страны: в результате совместных усилий советских и афганских специалистов невдалеке от города разведаны крупные запасы газа и нефти, что заложило основу для создания газовой и химической промышленности. Им достаточно было при патрулировании проехать на БМП (боевой машине пехоты) каких-нибудь 17 километров от города и опять найти подтверждение: да, их прислали сюда не напрасно. Разве не стоит уберечь для разоренной и съедаемой противоборством страны первый в ДРА завод азотных удобрений, сооруженный опять же с помощью их земляков! И сохранить заводской поселок «Сорок красавиц» с его великолепными коттеджами для рабочих, бассейном, клубом, спортивными площадками – тоже их долг. И эту теплостанцию на природном газе, преобразившую быт населения, невозможно представить взорванной, как некогда Днепротрансгэс. Да и многое-многое другое представлялось своим, выстраданным, понятным и, безусловно, нуждающимся в их присутствии здесь, в их защите.

Предприятие – символ прежней дружбы – стало костью в горле контрреволюции. Оно не просто давало мощный импульс экономическому развитию округа, но и крепило ряды местной организации НДПА. И душманы

устраивали диверсии на комбинате, охотились за его партийными активистами. Не гнушались ничем. Напали на местную школу: на глазах детей убили двух учителей, а одной девочке, дочери члена комитета НДПА Мазари-Шарифа, плеснули в лицо кислотой...

Спустя менее десяти лет после пуска комбината отцов на строительных площадках сменили их дети. Только держали они в руках не мастерки каменщиков и молотки плотников, а автоматы.

И все-таки – спросите простого афганца, на земельный надел которого подана вода, а в дом – свет и тепло, кишлак которого благодаря «бетонке» и мостам через пропасти приблизился к столице, цивилизации на расстояние часовой доступности, спросите у горца, чьих детей спас от смерти русский врач, спросите у многих других, близко соприкоснувшихся и с первой, и со второй волнами советского «нашествия» – и в глазах непременно заметите ласковый блеск: «О, шурави, спасибо!».

Конечно же, большая половина промолчит, даже если люди испытывают к нам дружеское расположение, признательность за помощь: страх и теперь гуляет по горным селениям и городам, в том числе и по Кабулу.

На первых порах нашим мальчикам приходилось преодолевать психологический барьер, им и физически было не легче.

Безусым мальчишкам, по-видимому, было страшно, хотя ни один не подавал вида. Страшно было остаться наедине с самим собой. Страшно даже в автомобильной колонне, когда впереди и сзади тебя до боли в суставах сжимают «баранки» твои сверстники: дорога, как кровеносная артерия, связывала наш Таджикистан с северными провинциями Афганистана, а те с Кабулом, югом страны. По ней нескончаемым потоком текли и текли грузы. Преимущественно мирные – продовольствие, строительные материалы, товары первой необходимости. Боеприпасы и вооружение переправлялись воздухом. Однако и за такие чистые рейсы наши дети расплачивались жизнью.

Первыми жертвами той войны были, бесспорно, водители, потому что они торили тропу к Гиндукушу...

Эх, водители-водители! Короли горных дорог! У каждого свой опыт, привычки.

На бортах иногда имена погибших друзей-водителей. Один рейс через перевал Саланг – событие, десяток – подвиг, отмечаемый обычно на дверце кабины красной звездочкой, двадцать рейсов – двумя. Точь-в-точь как в годы Отечественной рисовали звезды на фюзеляжах самолетов за сбитые вражеские машины.